

ЭКОНОМИКА

УДК 339.722

Л. А. Титова, В. И. Пефтиев

Мировые валюты и финансы в контексте кризиса глобализации

В статье сформулированы авторские трактовки состояния мировых валют и финансов в контексте кризиса глобализации как кризиса нециклической природы и структуры мирового хозяйства.

Ключевые слова: кризис глобализации, зона евро, региональные валюты, верховенство финансового капитала, рынок ценных бумаг, виртуальность.

L. A. Titova, V. I. Peftiev

World Currencies and Finance in Context of the Globalization Crisis

In the article the author's versions of a condition of world currencies and finance in the context of the globalization crisis as a crisis of the acyclic nature and a structure of the world economy are formulated.

Keywords: a globalization crisis, euro zone, regional currencies, supremacy of the financial capital, securities market, virtuality.

Момент кризиса – это конец *неопределенности* и *колебаний*, начало нечего нового, органически иного, чем прежде.

А. А. Богданов [3]

Запредельные долги отягощают на текущий год и на среднесрочную перспективу госбюджеты периферии зоны евро (Греция, Испания, Португалия, Ирландия, Италия). За финансовой помощью обратились Словения и Кипр. Растут долги США. В Евросоюзе (ЕС) продолжается рецессия, сохраняется высокий уровень безработицы, особенно в странах-должниках. Мировая экономика не выходит на устойчивые темпы роста ВВП, внешней торговли, инвестиций. Эти негативные тенденции остаются источниками непреходящей озабоченности МВФ, ЕЦБ, Европейской комиссии, глав-государств ЕС, G8 и G20, а также банков, страховых компаний и всего делового сообщества в целом. Вводимые режимы жесткой экономии вызывают массовые демонстрации и акции протеста по инициативе профсоюзов и оппозиции.

Эти события, находящиеся на поверхности международной жизни, не сходят со страниц печатных СМИ, оживленно обсуждаются на телеканалах и в интернет-сообществах. Непререкаемый долг экономистов (теоретиков и практиков)

состоит в обнаружении глубинных корней происходящего, в концептуально-стратегической оценке и разработке плана действий («дорожной карты») по преодолению кризиса мирового хозяйства и национальных экономик. На наш взгляд, в начале XXI в. имеет место совмещение двух типологически несхожих кризисов: а) циклического, с неясной пока глубиной и продолжительностью, традиционными последствиями (рецессия, безработица, инфляция, банкротство банков и фирм) и б) кризиса глобализации, ее институтов – кризиса нециклической природы, отличающегося от известных в науке моделей Китчина, Жюгляра, Кузнеца, Кондратьева. Разнотипность кризисов не отменяет, а напротив, предполагает определенные взаимосвязи. Полагаем, что мировые валюты и финансы являются в определенном смысле *сообщающимися сосудами* между мировым финансово-экономическим кризисом 2008–2009 гг. и кризисом глобализации, который, по всей видимости, продолжится и после выхода на докризисные макроэкономические показатели по ведущим странам и регионам (ЕС, РФ, СНГ, АТР). Обоснованию этой взаимосвязи (в статусе гипотезы) посвящена данная статья. В ней дается широкое определение финансов

(бюджеты, налоги, валюты, банки, инвестиционные фонды, акции и облигации).

Апологетический тезис о бескризисном развитии США и Евросоюза (мини-кризис интернет-компаний 2000–2001 гг. рассматривался как недоразумение) развенчан неумолимыми фактами (теория кризисов под ударами кризисов). Никто из вдумчивых исследователей, наблюдателей, аналитиков не оспаривает верховенство финансового капитала. Но оценки этого феномена различны, а порой и полярны. Общим местом стало утверждение о финансовом «пузыре» (особенно производных ценных бумаг, деривативов) как первопричине текущего кризиса международного масштаба. Бесспорно, страсть к сверхприбыли и спекулятивным операциям лежит в основе возникновения «эффекта домино» в условиях взаимосвязи важнейших мировых рынков (ценных бумаг, нефти и газа, автомобилей, строительства). Обвинительный уклон в адрес банков, ипотечных инвестиционных компаний, игроков на фондовых площадках оставляет в тени объективные основания генезиса и эволюции нестандартного кризиса конца «нулевых годов» (особенное и уникальное еще предстоит уяснить). Нам импонирует версия кризиса, изложенная группой французских ученых (М. Аглиетта, Ф. Лордон, А. Орлеан): в сфере накопления капитала произошли кардинальные сдвиги, создающие предпосылки (со знаками плюс и минус) для новой инновационной модели развития. Суть перемен заключается в том, что главными источниками инвестиций становятся кредиты, доходы от операций с ценными бумагами, венчурные фонды с высокой степенью риска и неопределенности, а не традиционные источники (амортизация, софинансирование за счет прибыли, субсидии государства) [9].

Глубокое погружение в процесс накопления капитала, как это великолепно и самобытно осуществили в свое время К. Маркс (1867), Р. Люксембург (1912), Дж. Арриги и др., будет способствовать систематизации особенностей современного финансового капитала в сравнении с началом XX в.

Мировые потоки ресурсов с использованием новейших инструментов инвестирования, включая рынки золота, серебра, платины и казначейских облигаций на разные сроки, радикально меняют поведенческие манеры участников глобализации. Они во многом определяются виртуальностью (ожиданиями рыночных агентов). Эти ожидания где-то и когда-то можно предвидеть

благодаря техническим анализам кривых, но чаще всего прибегая к опыту интуитивных знаний. Одни исследователи рассматривают виртуальность как форму существования фиктивного капитала (в интерпретации К. Маркса, как отрыв банковского капитала от производственного) [7]. Другие придают явлению статус новизны, которая проявляется тройко: а) реальность, порожденная реальностью, внешней по отношению к ней; б) реальность, существующая «здесь и сейчас», то есть на текущий момент; в) реальность интерактивная, взаимодействующая с другими реальностями [5]. Третьи предлагают интерпретировать новые феномены глобализации через диалектику превращенных форм экономических отношений. Так, зарплата является превращенной формой стоимости и цены товара «рабочая сила», то есть сущность видоизменяется, а между явлением и сущностью появляется посредствующее звено [12]. К рыночной капитализации акций, котирующихся на фондовых площадках, ближе всего подходит интерпретация неэкономистов, в которой подчеркивается бытие виртуальности, хотя и с известной иерархией уровней действительности в объективной и субъективной проекции. Так, фондовая капитализация акций – это порождение реально существующей фирмы; это ее текущая оценка, подверженная волатильности (колебательности); это интерактивная реальность, влияющая на котировки других акций. Наш предварительный вывод таков: современный финансовый капитал представляет собой сплав реального капитала, фиктивности и виртуальности. Инкорпорация виртуальности (субъективного элемента, результата рефлексии) в характеристику финансового капитала в эпоху глобализации имеет неоднозначные последствия: с одной стороны, развитие интуиции, предвидения, привычки к анализу цифр, графиков, уравнений и следование ложным, искаженным, иррациональным ориентирам – с другой. *Капитализация* акций как индикатор верховенства финансов в современном мире (во многом благодаря мобильности и конвертируемости) не должна быть исключительным критерием оценки успешности деятельности акционерных обществ. При несоблюдении этой предосторожности корпорацию, холдинг, отрасль или сектор ждут неминуемые финансовые «пузыри», банкротства, провалы инвестиционных проектов.

Долговой кризис в зоне евро – показательное свидетельство первого системного кризиса глобализации, констатация множества дисфункций

в институтах Евросоюза. С угрозой суверенного дефолта и выхода из валютной зоны Греции соседствуют и другие проявления неадекватности институтов глобализации историческим задачам эпохи: возрождение отдельных проявлений неопротекционизма (по данным Рональда Кёрка, торгового представителя США, до глобального кризиса 2008–2009 гг. протекционистские меры охватывали 1 % мировой торговли, в настоящее время эта доля возросла до 3 %, что воспринимается как плохой сигнал. См.: Ведомости. – 2012, 13 июня); чрезмерная вовлеченность в мировое хозяйство как потенциальная угроза для национальной безопасности (для России это привязанность федерального бюджета к ценам на нефть и газ); нелинейность глобализации; кризис неолиберализма в экономической политике и на международной арене; неудовлетворенность итогами деятельности МВФ и ВТО (демарши оппозиции в Госдуме против ратификации Протокола вхождения России в ВТО); усиление регионализма в качестве частичной компенсации неудач с утверждением международного экономического порядка на началах партнерства, справедливости и взаимной выгоды. Эти «провалы» глобализации будут и впредь препятствовать оживлению мировой экономики и переходу на инновационные стратегии развития.

Долг – оборотная сторона кредита, внешне-экономических связей. Благо превращается в «петлю», если не проявлять должной осмотрительности и контроля за финансовыми потоками. В Евросоюзе внешние долги накапливались десятилетиями, а превысив допустимые пределы, вызвали лихорадочные действия (как одиночные, так и коллективные) по стабилизации долговой нагрузки. Хронология долгового кризиса в зоне евро общеизвестна, антикризисные меры следуют одна за другой (по мнению большинства экспертов, запоздало и несистемно). Наша задача состоит не в комментировании текущего момента (мониторинга), а в ретроспективном взгляде на самую радикальную попытку XX в. отказаться от национальных валют и введения коллективной денежной единицы со всеми присущими денежному эквиваленту функциями.

Долговой кризис Евросоюза еще не преодолен: даже при благоприятном сценарии финансовая стабилизация наступит не ранее 2014–2015 гг. Более того, долги омрачают перспективы за пределами зоны евро, включая и Великобританию. Тем не менее, можно сформулировать предварительные уроки долгового кризиса зоны

евро (17 членов) с апреля 2009 г. (предупреждение ЭК властям Франции, Испании, Ирландии и Греции о превышении разрешенного норматива дефицита госбюджета) по осень 2012 г.

Введению евро предшествовала тщательная подготовка по либерализации обмена товарами, услугами, рабочей силой и инвестициями. В собственно валютной сфере предпринимались усилия по минимизации колебаний курсов национальных валют («валютная змея»). С 1979 г. по 1999 г. активно использовалась расчетная единица эю, с более широкой сферой действий, нежели специальные права заимствования МВФ (СДР). Маастрихтское соглашение (1992 г.) установило требования к дефициту бюджета (3 % ВВП), по долгу (60 % ВВП), инфляции и процентным ставкам. К сожалению, эти разумные ограничения не всегда соблюдались уже при вступлении в зону евро (Греция) и в последующие годы (в нарушителях Пакта стабильности и роста не единожды числилась Франция).

Валютная интеграция не была поддержана в сфере политического сотрудничества. Наднациональные органы ЕС (несмотря на шумиху вокруг «диктата» Брюсселя, еврочиновников) в своей деятельности сталкиваются с правовыми запретами и ограничениями. ЕЦБ не может напрямую оказать финансовую помощь странам ЕС; несет ответственность за инфляцию, но не в его полномочиях содействовать росту занятости и росту ВВП, отказывает в предоставлении статуса банка стабилизационным фондам (ESM и EFM). Иными словами, предстоит предпринять радикальные шаги в сторону политико-правовой федерации и/или конфедерации. Поэтому понятна лаконичная фраза И. Шрамко, председателя Национального банка Словакии, бывшего члена Совета управляющих ЕЦБ (2005–2009 гг.): «евро – это успех, а кризис еврозоны – провал политиков» [11]. Кризис в зоне евро объясняется структурными факторами, которые обнаруживаются не сразу: неэффективное использование краткосрочных капиталов; дивергенция стран зоны евро по показателям инфляции и платежных балансов; неадекватная реакция рынков на долговые проблемы периферии зоны, в связи с чем наблюдается бегство капитала [15].

Коллективная валюта удобна для граждан и фирм ЕС. Первоначальный взлет розничных цен от введения евро (2002 г.) из-за выравнивания по максимальным уровням пережит удовлетворительно. В последующие годы ЕЦБ прочно удерживал инфляцию в коридоре 2–3 %. Но долго-

вечность евро, как показали последние события, зависит от типологической однородности национальных экономик. Об опасности спешки с организацией валютного союза еще в 1962 г. предупреждал концептуальный гуру будущей коллективной валюты Р. Манделл. В начале XXI в. М. Фридман предрекал евро максимальный срок существования – 15 лет. Не видит смысла в присоединении к зоне евро Чехия. Нельзя сказать, что кардинальные отличия по типу экономического развития и по ведущим макроэкономическим индикаторам не осознавались руководством ЕС. Их пытались минимизировать через механизм и инструменты экономической интеграции «с разной скоростью» («изменяемой геометрией») и с учетом принципа заинтересованности (возможности принять интеграционный проект или отказаться от него). Надежды связывались также с реформированием процедур принятия важнейших решений в рамках Лиссабонской хартии (2009 г.) (квалифицированное и простое большинство, с учетом числа сторон и численности населения). Эти противоречия не препятствовали дальнейшему расширению Евросоюза (к полноправному членству добавились режимы ассоциации и соседства). Видимо, политические амбиции и геоэкономические императивы заставили забыть о предосторожности, осмотрительности, необходимости закрепления достигнутого. В итоге произошло то, что должно было произойти, – долговой кризис, к которому оказались не готовы ни власти Евросоюза, ни европейские обыватели. И никто, особенно в Германии, не хочет оплачивать долги и ошибки периферии зоны евро. ...Информация к размышлению для России и ее соседей по ТС, СНГ, ЕврАзЭС.

Антикризисные меры в зоне евро интересны для денежных и финансовых властей, операторов валютных и фондовых рынков США, КНР и других стран. Апробированы «тройкой» (МВФ, ЕК, ЕЦБ) стандартные и чрезвычайные действия. Отмечается выброс денежной наличности на миллиарды долларов и евро. Происходит частичное списание долгов. Учреждены стабилизационные фонды. Снижены процентные ставки по кредитам и депозитам. Предстоит найти компромиссы по европейским облигациям, прямому кредитованию проблемных банков. В оценке антикризисных мер тон задают скептики и пессимисты, которые утверждают: то, что делается, – это запоздало и неадекватно. Критики еврогруппы (совет министров финансов еврозоны), ЕЦБ и встреч в верхах игнорируют или недооценивают

основные факторы неопределенности конъюнктуры. С одной стороны, отмечается репатриация капиталов в Евросоюз из развивающихся стран, в том числе из России, с другой – движение европейского капитала на биржи и в валюты стран АТР (особо в Сингапур и Австралию). В Евросоюзе слабый или нулевой спрос на кредиты (потребительские и инвестиционные). Евросоюз не выходит из затянувшейся стагнации.

Оценка ближайшей перспективы зоны евро. Преобладают настроения катастрофы и безысходности. И немногие, в том числе еженедельник «Эксперт» [10], продолжают считать евро сильной валютой с немалыми шансами на преодоление долгового кризиса. С издержками (то есть дорогой «ценой»), но Евросоюз, по нашему мнению, прошел «дно» кризиса и движется, хоть и с остановками и зигзагами, в правильном направлении. В ближайшие два-три года деловой и научный мир приступит не к риторике, а к профессиональному изучению европейского опыта по преодолению долгового кризиса. Но уже сейчас очевидны негативные последствия спонтанного, ретроактивного преодоления. Многие европейские банки и даже страны потеряют рейтинг AAA. Потребуется реструктуризация активов, усиление надзора за финансовыми учреждениями. Неизбежна деградация определенных отраслей, утрата деловой компетенции, отставание европейских компаний в конкуренции с партнерами из Азии, АТР, БРИКС. Предстоит ускорить процесс ратификации документов по Бюджетному пакту и банковскому союзу (новации 2012 г.). Впредь при мониторинге внешнего долга стран-членов ЕС в него следует включать обязательства всех контрагентов (Минфин и ЕЦБ, государственные корпорации, системообразующие банки, состояние счета текущих операций платежного баланса). Комплексная оценка внешнего долга приоритетна и для России. Напомним, что долги нефинансового сектора и банков на момент кризиса 2008–2009 гг. более чем в 10 раз превышали долги федеральных властей. Диспропорции сохранились и по итогам 2011 г.: совокупный долг РФ 545,2 млрд долл. или 29,3 % ВВП; доля органов государственного управления и денежно-кредитного регулирования составляет 2,4 % ВВП, тогда как банков – 8,8 %, прочих должников – 18,2 % ВВП [13].

Международная валютная система неоднородна и в известном смысле иерархична: отмечается дуополия доллара и евро. Несмотря на долговую кризис, евро остается реальной альтерна-

тивной доллару в международных расчетах, в том числе и по энергоносителям [1]. На международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге (21–23 июня 2012 г.) президент России подтвердил готовность поддержать евро кредитами через МВФ. Второе звено образуют английский фунт стерлингов, швейцарский франк, японская йена и «новичок» – австралийский доллар. Пошагово растут объемы сделок и расчетов в юанях КНР.

Множественность валют с неполными функциями мировых денег напоминает модернизированную формулу эквивалента при обмене товаров, описанную К. Марксом в первом томе «Капитала». У этой промежуточной ступени денежного обращения, дистанцированной от бартера и монополизма, свои достоинства и недостатки. Имеет место противостояние порядка и хаоса, возможности выбора и застойности, неопределенности. Выбор «наименьшего зла» – не самое удачное решение, но и статус кво, вне сомнения, подавляет стимулы к интенсификации внешнеэкономических связей. Непростая головоломка для участников глобализации...

По аналогии с денежными агрегатами (в узком и широком определении) возможны два варианта концепции реформирования валютной системы на фоне кризиса глобализации. Обе концепции имеют глубокие исторические корни. Первая концепция (Аристотель, Д. Юм, П. Прудон, а в XX в. монетаристы) отдает приоритет совершенствованию денежного обращения вне связи с тенденциями в мировом хозяйстве и национальных экономиках. Еще Д. Юм при анализе денег обходился без теории стоимости (без учета затрат труда) на национальном и международном уровнях [14]. П. Прудон, объясняя природу и происхождение денег, отдавал приоритет *обмену благ* и компромиссу интересов *продавцов и покупателей*. Монетаристы (М. Фридмен и его последователи) рассматривали деньги как одну из форм богатства (наряду с физическими благами и человеческим капиталом), как капитализированный доход [8]. Отсюда и прагматический вывод: совершенствование мирового хозяйства следует начинать с валютных отношений, с утверждения и поддержания резервной валюты, заменяющей золото или жесткую привязку к нему (одна тройская унция равна 35 долларам, с возможностью отклонения в 1 %). Но с 70-х гг. прошлого века связь резервной и национальных валют утрачена, что породило неуправляемые процессы.

Вторая концепция (К. Маркс, социологи) предполагает глубинные корни генезиса и эволюции денег в сфере производства: деньги понимаются как превращенная форма стоимости, инструмент разрешения противоречий товара. К сугубо экономическому назначению денег добавляется их власть в обществе, ее фетишизация. Очевидно, что в таком контексте оздоровление денежного обращения предполагает реализацию долгосрочной программы реформирования всех сфер общественного воспроизводства, то есть нового международного экономического порядка в сочетании с модернизацией национальных экономик. Такая сверхзадача не ставится международным сообществом (не по силам или из-за эгоизма). Тем не менее, отдельные предложения по нормализации денежно-финансовых отношений в мировом хозяйстве выдвигаются и обсуждаются.

На последней сессии G-20 в Мексике страны БРИКС обусловили свое участие в увеличении уставного капитала МВФ пересмотром квот и голосов для развивающихся стран и установлением контроля с их стороны за движением кредитов и принятием решений (стратегических и оперативных). В реформировании нуждаются ВТО, МОТ и другие международные организации под контролем ООН. Западные державы не торопятся обсуждать конкретные планы реформирования МВФ и Всемирного банка.

Группа экономистов России и Казахстана (акад. С. Глазьев и его соавторы) к экономическому форуму в Астане (2012) сформулировала свои рекомендации для G-20:

- сократить до безопасного уровня эмиссию денег ФРС и ЕЦБ;
- поставить надежные препоны импорту инфляции, отказаться от пирамидального принципа увеличения государственного долга;
- ввести контроль за деятельностью небанковского сектора (хедж-фонды, инвестиционные компании);
- шире внедрять МСФО и нормативы достаточности капитала по Базельскому соглашению III;
- ограничить для заемщиков и банков величину кредитного плеча (доли кредита в активах);
- ограничить открытые валютные позиции долей (в %) к величине собственного капитала;
- ввести налог на доходы от продажи активов нерезидентам по ставкам в зависимости от срока владения активом;

– вернуться к обсуждению налога Тобина (на финансовые трансакции);

– использовать СДР по средневзвешенному курсу из 4 валют (доллар, евро, фунт стерлингов, иена); в дальнейшем отобрать в корзину СДР валюты отдельных стран G-20 по набору критериев;

– расширить полномочия центральных банков G-20 по их участию в регулировании валютно-финансовых отношений;

– приступить к созданию международных финансовых центров в Москве, Шанхае, Мумбаи;

– усилить вытеснение теневых рынков капитала (оффшоры, внебиржевые деривативы) [6].

Эта детальная программа оздоровления международных финансов и валют заслуживает особого пристального внимания и профессионального обсуждения. Ее коренное концептуальное преимущество – акцент на стабилизацию курсов валют.

Пока дискуссии о единой мировой валюте не вышли за пределы риторики, а региональные валюты (например, юань) и валютные зоны в Западной и Центральной Африке и Латинской Карибской Америке еще долго не могут быть серьезными конкурентами доллару и евро, приемлемым паллиативом (пусть и временно) становятся расчеты в национальных валютах (валютные свопы) по межправительственным соглашениям. Завидную активность в этом вопросе проявляет Китай в операциях с зарубежными контрагентами.

Отмеченные внешние события создают повышенную напряженность в мире, что не может не сказаться на геоэкономических и геополитических позициях России. Обозначим самые вероятные угрозы. Нестабильность цен на мировых рынках нефти и газа вынуждает создавать дополнительные резервы на случай второй волны кризиса и переходить на усредненные сроки расчета (5 лет) доходов от нефтедолларов. Россия в структуре мирового ВВП занимает скромное место (3 %, 2010 г.) против соответствующих долей Китая (13,6 %) и Индии (5,5 %) [2]. Таким образом, даже реформирование МВФ не сможет радикально улучшить позиции России в этой престижной международной организации. Проект создания в Москве международного (и даже регионального центра, ее ближайший конкурент Варшава) выглядит как декларация о намерениях. Китай выдвигает заманчивые инициативы в рамках шанхайской организации сотрудничества

(ШОС) и на других международных форумах. Ответные шаги за Россией.

Библиографический список

1. Апокин, А. Мировая экономика в долгосрочной перспективе: цели и задачи субъектов [Текст] / А. Апокин // Вопросы экономики. – 2012. – № 6. – С. 102–104.
2. Апокин, А. Указ. соч. – С. 99.
3. Богданов, А. А. Тектология: всеобщая организационная наука : в 2-х кн. Кн. 2 [Текст] / А. А. Богданов. – М., 1975. – С. 208.
4. Борисова, И. Растущая российская экономика на фоне внешней напряженности [Текст] / И. Борисова и др. // Вопросы экономики. – 2012. – № 6. – С. 15.
5. Гасилин, В., Тягунова, Л. Виртуализация современного общества [Текст] / В. Гасилин, Л. Тягунова // Власть. – 2007. – № 1. – С. 62.
6. Глазьев, С. К устойчивому росту – через справедливый экономический порядок [Текст] / С. Глазьев и др. // Российский экономический журнал (РЭЖ). – 2012. – № 2. – С. 65–75.
7. Ермолаев, К. Н. Виртуальность как форма существования фиктивности капитала в современных условиях [Текст] / К. Н. Ермолаев // Экономические науки. – 2010. – № 12. – С. 31–34.
8. История экономических учений (современный этап) [Текст] : учебник / под ред. А. Г. Худокормова. – М.: ИНФРА-М, 2012. – С. 116.
9. Князев, Ю. О возвращении экономики к здравому смыслу [Текст] / Ю. Князев // Общество и экономика. – 2012. – № 3–4. – С. 63–64.
10. Кокшаров, А. Уверенное движение к пропасти [Текст] / А. Кокшаров // Эксперт. – 2012, 25 июня – 1 июля. – № 25. – С. 15–22.
11. Мир перемен. – 2012. – № 1. – С. 168–174.
12. Рушаник, Б. А. Через превращенные формы – к политической экономии социализма [Текст] / Б. А. Рушаник // Экономические науки. – 2012. – № 2. – С. 46–50.
13. Шишков, Ю. Кризис Еврзоны: выводы для архитекторов ЕврАзЭС [Текст] / Ю. Шишков // МЭ и МО. – 2012. – № 6. – С. 13–22.
14. Экономическая история мира и Европы: в 2-х т. / под общей редакцией М. В. Конотопова. – М.: Изд-во Дашков и Ко. – 2007. – Т. 2. – С. 81, 84.
15. Буторина О. Причины и последствия кризиса в зоне евро [Текст] / О. Буторина // Вопросы экономики. – 2012. – № 12. – С. 98–109.